

Ю.Г. Коргунок *

ВЫБОРЫ ПО ПРОПОРЦИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЕ КАК МАССОВЫЙ ОПРОС ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Аннотация. В статье излагается взгляд на выборы по пропорциональной системе как на массовый опрос общественного мнения: межпартийная дискуссия образует в политическом пространстве размежевания, которые, отражаясь в массовом политическом сознании, влияют на структуру электоральных размежеваний. Факторный анализ выявляет в политическом пространстве постсоветской России три размежевания: социально-экономическое, авторитарно-демократическое и системное. Иерархия размежеваний меняется с ходом времени: в 1995–2011 гг. первое место принадлежало социально-экономическому размежеванию, второе – системному, третье – авторитарно-демократическому; в 2016 г. на первый план вышло системное размежевание, отодвинув авторитарно-демократическое на второе место, а социально-экономическое – на третье. Сильную корреляцию между политическими и электоральными размежеваниями показали все думские выборы (кроме состоявшихся в 1999 г.); все электоральные размежевания обусловлены факторами социальной стратификации (в первую очередь уровнем урбанизации). Зафиксировано искажающее воздействие административного ресурса на связь между политическими и электоральными размежеваниями: по этой причине авторитарно-демократическое размежевание, занимая третье место в политическом пространстве, с начала 2000-х годов тесно коррелируется с первым электоральным размежеванием («власть против общественности»). Именно это размежевание можно считать главной характеристикой массового политического сознания России XXI в. как на федеральном, так и на региональном уровне. Социально-экономическое размежева-

* **Коргунок Юрий Григорьевич**, доктор политических наук, ведущий научный сотрудник отдела политической науки ИНИОН РАН, зав. отделом политологии Фонда развития исследовательских программ «Информатика для демократии», e-mail: partinform@mail.ru

Korgunyk Yury, Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences, INDEM Foundation, e-mail: partinform@mail.ru

ние, в отличие от него, дает знать о себе главным образом на федеральном уровне. Системное размежевание, доминирующее сегодня в политическом пространстве, на результатах выборов сказывается лишь опосредованно, фактически сливаясь с социально-экономическим.

Ключевые слова: концепция размежеваний; электоральные размежевания; политические размежевания; политические партии; массовое политическое сознание; факторный анализ; регрессионный анализ; корреляционный анализ.

Yu.G. Korgunyuk

Elections by a proportional system as a mass public opinion poll

Abstract. The article presents a look at the elections under the proportional system as a mass survey: inter-party debates form political cleavages which get reflected in the mass political consciousness and influence electoral cleavage structure. Factor analysis reveals three cleavages in the political space of post-Soviet Russia: socioeconomic, authoritarian-democratic and systemic. Their hierarchy changed in course of time. In 1995–2001, the socioeconomic cleavage was the first one, the systemic – the second, the authoritarian-democratic – the third. In 2016, the systemic became the first, the authoritarian-democratic – the second, the socioeconomic – the third. The strong correlation between political and electoral cleavages was detected in all Duma elections, except of the 1999-election. Also close links between electoral cleavages and social stratification factors (first of all the level of urbanization), as well as the distorting impact of so called ‘administrative resource’ on connection between political and electoral cleavages were found. It is noted that the authoritarian-democratic cleavage, which takes the second or third place in the political space, has been in strong correlation with the first electoral cleavage since 2003. This electoral cleavage (‘authorities vs public’) can be considered as the main characteristic of the mass political consciousness in today’s Russia and appears both at the federal and regional levels. On contrary, the socioeconomic cleavage makes itself felt mainly at the federal level. The systemic cleavage which dominates now in the political space influences election results only indirectly, actually it merges with the socioeconomic one.

Keywords: cleavage theory; electoral cleavages; political cleavages; political parties; mass political consciousness; factor analysis; regression analysis; correlation analysis.

Массовое политическое сознание изучают главным образом путем опросов, которые проводятся способом выборки. Однако есть опросы и без выборки – это собственно выборы. Они лучше, чем что-либо проясняют отношение избирателей к политическим реалиям.

Особый интерес в этом отношении представляют выборы по пропорциональной системе, на которых избиратель выражает свое отношение к партии как бренду, обозначающему определенную

систему взглядов, и тем самым вносит вклад в формирование политического и электорального пространства.

Критика такого подхода состоит, как правило, в том, что избиратели не читают партийных программ и вообще плохо разбираются в политике. На это можно возразить: даже низкий уровень политической грамотности избирателей не означает, что они делают свой выбор неосознанно.

Партийные программы пишутся вовсе не для избирателей, а в первую очередь для партийного актива, которому они служат опорой в межпартийных дискуссиях. Вероятность, что избиратель прочтет программу, невелика, шансы, что он обратит внимание на дискуссию, гораздо выше – ведь обыватель реагирует не столько на содержание предлагаемого ему политического «продукта», сколько на столкновения между «продавцами». Далее все зависит от уровня политической компетентности «покупателя»: кто-то вникнет в суть дискуссии; кому-то достаточно принять или отвергнуть пару ярких лозунгов; кто-то вовсе проигнорирует суть спора, но с интересом понаблюдает за поведением дискуссионщиков. Так или иначе зритель дискуссии примет чью-то сторону и сделает соответствующий выбор на избирательном участке.

Если число обративших внимание на дискуссию достигнет некой критической массы, результаты выборов и порождаемые ими размежевания отразят картину размежеваний в политическом пространстве. Это, в свою очередь, будет означать, что массовое политическое сознание дозрело до уровня, на котором фиксируется наличие сформировавшегося общественного мнения.

Таким образом, вопрос переводится в следующую плоскость: достаточно ли в сегодняшней России людей, чей интерес к политическим дискуссиям способен влиять на исход выборов – во всяком случае, проводимых по пропорциональной системе?

Концепция размежеваний и анализ политического пространства

Чтобы ответить на поставленный вопрос, следует сравнить структуру размежеваний политического пространства со структурой размежеваний пространства электорального. Если между ними

будет обнаружена достаточно сильная корреляция, ответ будет положительным; если корреляция окажется слабой – отрицательным.

Термин «размежевание» впервые появился в знаменитой работе С. Липсета и С. Роккана [Lipset, Rokkan, 1967]. За годы, прошедшие после ее выхода, разные исследователи вкладывали в понятие «cleavage» разный смысл [Рёммеле, 2004]. Необходимость унифицировать его значение заставила С. Бартолини и П. Мэйра выделить три элемента «политически релевантного» размежевания: 1) существование конфликта между определенными социальными группами; 2) ценности и убеждения, образующие идеологическую идентичность этих групп; 3) политические партии, порожденные этим конфликтом [Bartolini, Mair, 1990, p. 215]. Лишь при наличии всех трех элементов размежевание может быть признано «полным» [Deegan-Krause, 2007, p. 3–6] – в остальных случаях речь идет о разделении (division), противостоянии (opposition) и т.п. [Тóка, 1998, p. 596].

Столь жесткая дефиниция принимается не всеми. В частности, К. Лоусон определяет размежевания как «долговременные структурные конфликты, приводящие к появлению противоположных позиций, которые могут быть (или не быть) представлены партиями» [Лоусон, 2004, с. 51]. Более гибкое отношение к партиям как обязательному элементу размежеваний возникло благодаря появлению множества неустойчивых партийных систем, ставящему в повестку дня вопрос: тождественна ли волатильность «партийного» пространства нестабильности структуры размежеваний [Whitefield, 2002]?

Подобное смещение акцентов требует изменения методологических подходов. Липсет и Роккан изучали размежевания на макроуровне. Главным их методом были экологические исследования – своего рода гуманитарный аналог коэффициента корреляция Пирсона: на основе отклонения результатов голосования за разные партии от средних значений делались выводы о характере господствующих размежеваний.

Методика Липсета – Роккана вполне эффективна для стран с относительно небольшим количеством партий. Другое дело, когда партий слишком много и они постоянно сменяют друг друга. В этом случае на помощь приходят статистические методы, в первую очередь факторный анализ, позволяющий зафиксировать не только доминирующее размежевание, но и ряд скрывающихся в его тени. Данная методика использовалась для исследования итогов выборов как в России [Slider, Gimpelson, Chugrov, 1994; Chugrov,

1997; Ахременко, 2007; Коргунюк, 2013; Korgunyuk, 2014], так и за рубежом [Zarycki, 1999; Zarycki, Nowak, 2000; Zarycki, 2002]. Она не только расширила диапазон фиксируемых размежеваний, но и создала возможность для перевода исследований с макро- на микроуровень.

Еще одна проблема состоит в том, что Липсет и Роккан интересовались больше социальной, нежели политической стороной размежеваний. Для них было важнее, какие социальные группы стоят за каждым размежеванием, а не в какие политические одежды оно рядится. Для стран с небольшим количеством партий политическая окраска размежеваний очевидна и не требует особых уточнений.

Иная ситуация – в странах с партийными системами, находящимися в постоянном изменении. Здесь, чтобы зафиксировать место каждой партии в политическом пространстве, требуются дополнительные усилия. Эта задача приобретает еще большую важность, если рассматривать выборы как массовый опрос общественного мнения, в ходе которого партии атакуют друг друга с целью воздействовать на «своего» избирателя. Тем самым они создают определенные *политические* размежевания, электорат же, отдавая голос той или иной партии, формирует *электоральные* размежевания, которые показывают, правильно ли партии оценили существующие запросы.

Довольно долгое время после выхода работы Липсета и Роккана исследователи размежеваний уделяли основное внимание электоральным размежеваниям и их связям с социально-демографической и экономической структурой общества. Взрыв партийного разнообразия в Латинской Америке (1980-е) и посткоммунистических странах (1990-е) повысил интерес к политической составляющей размежеваний. Главными способами их изучения были: 1) массовые опросы населения; 2) опросы (интервью) деятелей политических партий и экспертные опросы; 3) анализ программных документов политических партий. В частности, Г. Китчельт и его соавторы по знаменитой работе [Post-communist party... 1999] проводили как опросы (интервью) партийных политиков, так и контент-анализ партийных программ.

Каждый из этих способов имеет свои недостатки. Например, при интервьюировании политиков «большим» был вопрос о внутрипартийной сплоченности [Post-communist party... 1999, p. 134].

(На самом деле это не так важно: избиратели замечают не то, о чем думают политики, а то, что они говорят на публике.) Другое слабое место опросов (массовых, элитных и экспертных) – в том, что список задаваемых респондентам вопросов составляется заранее, а значит, в какой-то степени предопределяет финальную картину – в частности, из нее выпадают те политические размежевания, о которых организаторы опроса спрашивать не собирались [Stoll, 2004, p. 45].

Этого недостатка лишены методики, базирующиеся на изучении партийных программ. Именно на этой основе была, в частности, разработана теория проблемных измерений [Budge, Robertson, Hearl, 1987; Budge, 1993], активно используемая в том числе при изучении российских реалий [Oates, 1998; Попова, 2001; Попова, 2005; Толпыгина, 2012]. Однако и у этих методик есть недостаток, связанный со спецификой данного рода документов: партийные программы – это всего лишь «домашние заготовки», которые не способны охватить все возможные повороты межпартийной дискуссии.

Методология исследования на примере анализа думской кампании 2016 г.

Точно зафиксировать появляющиеся в политическом пространстве размежевания позволяет методика, основанная на постоянном отслеживании публичной активности политических партий¹. Акцент при этом делается на выявлении наиболее дискуссионных вопросов, порождающих наибольшую поляризацию.

Позиции партий по каждому вопросу оцениваются по шкале от –5 до +5: низшая оценка присваивается резко негативному отношению, высшая – апологетическому; если партия придерживается «центристской» позиции или не придерживается никакой, ставится ноль. При составлении вопросов приоритет отдается оригинальным высказываниям – например, «Капитализм смертелен для России» (КПРФ). В случаях, когда партии говорят «на разных языках» или избегают неудобных для них тем, формулируются некие «срединные» тезисы.

¹ Автор занимается этим с 1991 г., вводя разнообразные документы (включая стенограммы выступлений, новостные сообщения и т.п.) в базу данных «ПартАрхив» (Партархив / ИНДЕМ). – Режим доступа: <http://www.indem.ru/pa98>

В случае разногласий между представителями одной партии оценки корректируются с учетом политического веса высказывающихся. Так, для «Единой России» наиболее весомо мнение В. Путина или Д. Медведева, тогда как точки зрения, допустим, Е. Федорова и Б. Резника, олицетворявших во фракции ЕР шестого созыва обскурантистский и либеральный полюса, учитываются в минимальной степени.

Также берется во внимание изменение позиции партии в ходе дискуссии. Рассмотрим в качестве примера ситуацию вокруг сноса московскими властями «самостроя» в феврале 2016 г. (табл. 1). Как видим, «Яблоко», «Патриоты России» и ПАРНАС заняли категорически отрицательную позицию (-5), КПРФ и «Справедливая Россия» – отрицательную, но с оговорками (-4), «Единая Россия» – не очень уверенную, но апологетическую (+4). А вот ЛДПР сначала решительно поддержала снос торговых павильонов, но затем, оглянувшись на негативную реакцию общественности, дала задний ход: ее представители стали мягко осуждать эти «показные мероприятия» и критиковать столичные власти за неуважение права собственности, а затем внесли в Госдуму законопроект, ограничивающий возможность сноса самовольных построек. Таким образом, в целом ЛДПР получила оценку «+1» (первое слово дороже второго).

Таблица 1

**Позиции политических партий относительно сноса
«самостроя» в Москве в феврале 2016 г.**

Партия	Позиция	Средний балл (от -5 до +5)
1	2	3
«Единая Россия»	А. Семенников: «Ситуация неприятная, ситуация конфликтная, поэтому тем собственникам или арендаторам таких объектов мы можем порекомендовать только предъявлять претензии к первоначальному правообладателю, у которого они купили этот объект» (09.02.16); А. Александров: «Снос торговых палаток, центров входит в программу Собянина по очистке города от незаконно возведенных, в которых зачастую антисанитарные условия, построек... Если же у кого-то какие-то претензии к властям, пусть обращаются в суд и доказывают свою юридическую правоту. У московских властей все юридически безупречно, они никогда бы не стали заниматься самоуправством» (10.02.16)	4

Продолжение таблицы 1

1	2	3
КПРФ	С. Обухов: «...Мы столкнулись с примером самоуправства градоначальника, который знает, что любое его решение будет выполнено и не будет никем оспорено» (10.02.16); А. Клычков: «Если бы все это происходило не в Москве, наверно, можно было бы поверить, что чиновники действительно заботятся об архитектурном облике и о том, чтобы разбить у метро скверы. Но все мы видим, что происходит в последние годы в столице... Законы принимаются исключительно в интересах строительного лобби, а малый и средний бизнес облагают все новыми и новыми поборами» (10.02.16); «Мы не собираемся защищать самострой и все те убогие строения, которых в Москве огромное количество и которые портят облик столицы. Мы намерены продолжать борьбу против многочисленных объектов самостроя, в том числе в спальных районах, в которых, и по мнению москвичей, и по нашему мнению, имеются такие же жульнические документы» (11.02.16)	-4
«Справедливая Россия»	А. Агеев намерен подать иски в ЕСПЧ из-за сноса павильонов в Москве (10.02.16); А. Тарнавский: «Ситуация с началом сноса торговых павильонов, как мы видим, очень неоднозначная. Ряд их владельцев демонстрируют тележурналистам документы о выигранных судах, свидетельства о праве собственности. В этой связи мне кажется, что это не та сфера, где можно “рубить с плеча” и позволить себе отмахнуться от взглядов и позиции московской общественности... Надо тщательно проработать вопрос, провести максимально широкие консультации и желательно – заручиться поддержкой общественности» (10.02.16)	-4
ЛДПР	Пресс-служба: «ЛДПР поддерживает наведение порядка в Москве – все-таки это столичный город, на который равняются регионы. А значит, здесь не место разного рода самостроям, конструкциям, нередко возведенным в местах, где проходят жизненно важные коммуникации. К тому же не всегда за такими павильонами осуществлялся должный контроль и именно здесь могла продаваться опасная для здоровья людей продукция. Новые власти приняли правильное решение. Прежде всего мы должны думать о людях, которые каждый день выходят на улицы столицы» (09.02.16); Я. Нилов: «Подобное поведение и отношение к гражданам – и к представителям малого бизнеса, и к потребителям их услуг, – недопустимо. Повторимся, люди стали заложниками чиновничьего беспредела, так как им либо незаконно выдавали разрешения на строительство объектов, либо они незаконно теряют эти объекты, в случае если постройка была возведена в соответствии с законодательством» (09.02.16); С. Калашников: «В условиях кризиса устраивать такие вот показательные мероприятия, которые разрушают, а не создают, – не очень правильно, мягко говоря» (09.02.16); А. Свинцов: «Право собственности не ставят ни во что» (11.02.16); Группа депутатов от ЛДПР внесла законопроект, ограничивающий возможность сноса самовольных построек исключительно решениями судов (18.02.16)	1
«Яблоко»	Заявление Московского отделения партии «Яблоко»: «Погром малого бизнеса – преступление московских чиновников» (09.02.16); С. Митрохин требует от президента снять с должности С. Собянина (10.02.16); С. Митрохин: «Очередной погром малого бизнеса в Москве снова навевает грустные мысли» (11.02.16); Б. Вишневский: «Московское правительство нарушило не только закон, но и собственные решения. И в нормальной стране Сергей Собянин после “ночи длинных ковшей” уже писал бы мемуары “Как я был мэром Москвы”» (15.02.16)	-5

Продолжение таблицы 1

1	2	3
«Патриоты России»	С. Готов: «Поведение столичных властей... не просто некрасивое и бестолковое, оно циничное и противозаконное» (11.02.16)	-5
ПАРНАС	М. Касьянов: «Снос торговых павильонов в Москве противозаконен: примерно у 30 объектов существует подтвержденные судебные решения по праву собственности, а права собственности – незывлемы. Это основа государства. Если власти хотят снести какие-либо объекты, то эти объекты должны быть властями выкуплены» (11.02.16)	-5

Диапазон вопросов весьма широк – от мировоззренческих («У России свой, отличный от западного, путь развития») до ситуационных («Отменить систему “Платон”»). В любом случае они так или иначе встраиваются в общую структуру размежеваний. В этом заинтересованы сами партии, понимающие, что отсутствие единой логики дезориентирует избирателя и лишит их голосов.

Далее выставленные партиям «оценки» подвергаются факторному анализу. По итогам думской кампании 2016 г. были выделены три фактора с собственным значением выше единицы (табл. 2).

Таблица 2

Факторы политического размежевания между партиями – участницами выборов-2016

Variable	Factor Loadings (Unrotated) (Spreadsheet1) Extraction: Principal components (Marked loadings are >.700000)		
	Factor 1	Factor 2	Factor 3
«Родина»	-0,863	0,037	-0,044
«Коммунисты России»	-0,798	0,040	0,339
Российская партия пенсионеров за справедливость	-0,511	-0,095	-0,413
«Единая Россия»	-0,344	0,509	-0,602
Российская экологическая партия «Зеленые»	-0,635	-0,048	-0,525
«Гражданская платформа»	-0,785	-0,274	-0,171
ЛДПР	-0,776	-0,140	0,189
ПАРНАС	0,462	-0,844	0,045
Партия роста	-0,377	-0,720	-0,204
«Гражданская сила»	-0,400	-0,436	-0,518
«Яблоко»	0,397	-0,870	0,084
КПРФ	-0,796	-0,060	0,524
«Патриоты России»	-0,898	-0,047	0,214
«Справедливая Россия»	-0,875	-0,041	0,269
Expl. Var	6,262	2,554	1,703
Prp. Totl	44,73%	18,24%	12,16%

Первый фактор заключается в противостоянии либеральных ПАРНАСа и «Яблока» всем остальным участникам кампании, в первую очередь «Патриотам России», «Родине», «Справедливой России», «Коммунистам России», КПРФ, «Гражданской платформе» и ЛДПР (рис. 1). Поскольку вопросы с наиболее высокими по модулю факторными оценками были так или иначе связаны с внешней политикой, Украиной и борьбой с «внутренними врагами» (табл. 3), перед нами размежевание между условными «империалистами» и «антиимпериалистами».



Рис. 1.

Основное политическое размежевание между партиями – участницами выборов-2016

Расшифровка наименований:

Родина – партия «Родина»

КР – «Коммунисты России»

РППЗС – Российская партия пенсионеров за справедливость

ЕР – «Единая Россия»

РЭПЗ – Российская экологическая партия «Зеленые»

ГП – «Гражданская платформа»

ЛДПР – Либерально-демократическая партия России

ПАРНАС – Партия народной свободы

П-я роста – Партия роста

ГС – «Гражданская сила»

Яблоко – Российская объединенная демократическая партия «Яблоко»

КПРФ – Коммунистическая партия Российской Федерации

ПР – «Патриоты России»

СР – «Справедливая Россия»

Таблица 3

Вопросы с наибольшими по модулю факторными оценками по основному размежеванию на думских выборах 2016 г.

	Родина	КР	РПЗС	ЕР	РЭПЗ	ГП	ЛДПР	ПАРНАС	П-я роста	ГС	Яблоко	КПРФ	ПР	СР	Factor 1
Евразийская интеграция усиливает позиции России	5	5	4	5	5	5	3	-5	5	0	-5	5	5	5	-1,225
На Украине произошел государственный переворот	5	5	0	5	5	5	5	-5	5	0	-5	5	5	5	-1,143
Стране нужна жесткая внешняя политика	5	5	3	5	3	5	5	-5	-3	3	-5	5	5	5	-1,105
Поддержка Путина	5	3	5	5	5	5	4	-5	4	5	-4	-3	5	5	-1,055
США – главный фактор дестабилизации мировой ситуации	4	5	0	5	4	5	5	-5	-2	4	-5	5	5	5	-1,037
Поддержка ДНР и ЛНР	5	5	4	5	4	5	5	-5	0	0	-5	5	1	5	-1,014
...
Повышение пенсионного возраста	-5	-5	-4	-1	0	-5	-5	0	-2	0	-4	-5	-5	-5	1,990
Россия начала войну на Украине	-5	-5	0	-5	0	-5	-5	5	-5	0	5	-5	-5	-5	2,135
Отменить закон об НКО – иностранных агентах	-5	-5	0	-5	-4	-5	-5	5	1	0	5	-5	-5	-5	2,223
Путинская внешняя политика авантюристична	-5	-5	-5	-5	-5	-5	-5	5	-5	-5	5	-4	-5	-5	2,625
Россия аннексировала Крым, нарушив международное право	-5	-5	-5	-5	-5	-5	-5	5	-4	-5	5	-5	-5	-5	2,641

Содержание второго фактора составили расхождения между «Единой Россией» и либералами, прежде всего ПАРНАСом и «Яблоком» (рис. 2). Вопросы с наибольшими по модулю факторными оценками носят как социально-экономический, так и политический характер. В целом это властно-оппозиционное противостояние, но, судя по составу участников, определяющий характер имеют все-таки вопросы, касающиеся методов управления страной (табл. 4). Назовем это размежевание авторитарно-демократическим.



Рис. 2.

Второе политическое размежевание между партиями – участницами выборов-2016

Таблица 4

Вопросы с наибольшими по модулю факторными оценками по второму размежеванию на думских выборах 2016 г.

	Родина	КР	РППС	ЕР	РЭПЗ	ГП	ЛДПР	ПАРНАС	П-я роста	ГС	Яблоко	КПРФ	ПР	СР	Factor 1
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
Остановить «оптимизацию» систем здравоохранения и образования	5	5	5	-4	5	4	5	5	5	4	5	5	4	5	-1,811
Отменить сбор с большегрузов и систему «Платон»	5	5	0	-4	0	5	5	5	5	5	5	5	4	4	-1,765
Расширение полномочий представительной власти	4	4	5	-5	5	5	5	5	5	1	5	5	4	5	-1,721
Кризис в экономике продолжает углубляться	4	5	0	-4	3	4	5	5	5	4	5	5	3	4	-1,702
Центробанк и правительство не способны справиться с кризисом	5	5	0	-5	0	4	5	5	4	5	5	4	4	4	-1,701

Продолжение таблицы 4

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
Главы местного самоуправления должны избираться всенародно	4	0	0	-4	0	5	-3	5	5	5	5	5	5	5	-1,679
...
Отношение к муниципальной реформе	-1	0	0	5	0	-3	-3	-5	-3	-1	-5	-5	-5	-5	1,446
Введение госрегулирования цен	5	5	0	-1	0	-5	2	-5	-5	-5	-5	5	5	1	1,450
Отношение к «анти-террористическим» поправкам Яровой – Озерова	3	0	0	5	0	-3	-4	-5	-5	0	-5	-4	0	4	1,495
Отношение к реформе РАН	-5	-5	0	5	0	-3	4	-4	-5	-5	-5	-5	-2	-5	1,594
Эффективность анти-кризисных мер правительства	-5	-5	0	5	0	-4	-5	-5	-4	-5	-5	-5	-4	-4	1,763

Суть третьего фактора – противостояние между КПРФ и «Коммунистами России», с одной стороны, и лоялистскими партиями во главе с «Единой Россией» – с другой (рис. 3). Вопросы с наибольшими по модулю факторными оценками тоже носят как социально-экономический, так и политический характер (табл. 5), но доминируют все-таки первые. Назовем это размежевание социально-экономическим.

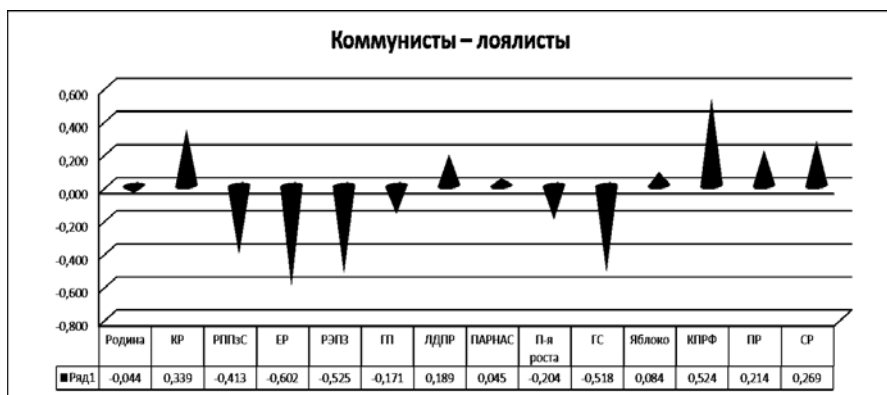


Рис. 3.

Третье политическое размежевание между партиями – участниками выборов-2016

Таблица 5

Вопросы с наибольшими по модулю факторными оценками по третьему размежеванию на думских выборах 2016 г.

	Родина	КР	РПЗС	ЕР	РЭЗ	ГП	ЛДПР	ПАРНАС	П-я роста	ГС	Яблоко	КПРФ	ПР	СР	Factor 1
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
Частная собственность эффективнее, чем государственная	1	-5	1	3	3	3	2	5	5	5	5	-5	-1	-4	-2,600
Поддержка Путина	5	3	5	5	5	5	4	-5	4	5	-4	-3	5	5	-2,462
Вмешательство государства в экономическую сферу должно быть минимальным	1	-5	0	1	0	-3	-3	5	5	5	5	-5	-3	-3	-1,926
Целесообразность вмешательства России в сирийский конфликт	5	-1	0	5	5	4	5	-5	4	5	-5	4	5	5	-1,525
Оправданность неполной индексации пенсий	5	-1	0	5	5	4	5	-5	1	5	-5	4	5	5	-1,432
Отношение к муниципальной реформе	-1	0	0	5	0	-3	-3	-5	-3	-1	-5	-5	-5	-5	-1,424
...
Отказ от либеральной модели экономики	5	5	0	-3	0	-2	3	-5	-5	-5	-5	5	5	5	1,582
Национализация базовых отраслей экономики	-1	5	0	-4	0	-4	4	-5	-5	-5	-5	5	4	3	1,668
Капитализм смертелен для России	1	5	0	-5	-1	-5	3	-5	-5	-5	-4	5	3	3	1,845
Россия управляется авторитарными методами	-5	0	-5	-5	-5	0	4	5	-1	0	5	5	1	3	2,075
Степень оппозиционности (самооценка)	-3	0	-5	-5	-4	-4	4	5	1	-2	5	5	1	4	2,222

Теперь факторные значения партий в политическом пространстве надо сравнить с их факторными значениями в пространстве электоральном. Последние рассчитываются путем анализа результатов, полученных партиями в различных субъектах РФ.

Здесь также выделены три фактора (табл. 6). Первый – противостояние «Единой России» всем остальным участникам выборов (рис. 4). Факторные значения партий в этом размежевании достаточно сильно коррелируются с их факторными значениями в авторитарно-демократическом политическом размежевании ($R = -0,695^1$). Следовательно, данное размежевание можно назвать «властно-общественным» (подробнее об обосновании этого названия см.: [Коргунюк, 2013]).

Таблица 6

Факторы электорального размежевания между партиями – участницами выборов-2016

Variable	Factor Loadings (Unrotated) (Spreadsheet1) Extraction: Principal components (Marked loadings are >,700000)		
	Factor 1	Factor 2	Factor 3
Недействительные	0,588	-0,520	0,028
«Родина»	0,623	0,259	0,212
«Коммунисты России»	0,159	-0,668	0,116
Рос. партия пенсионеров за справедливость	0,816	-0,284	-0,079
«Единая Россия»	-0,881	0,421	-0,001
Рос. экологическая партия «Зеленые»	0,892	0,212	0,087
«Гражданская платформа»	0,486	-0,060	-0,250
ЛДПР	0,513	-0,690	0,035
ПАРНАС	0,847	0,412	0,053
Партия роста	0,676	0,495	-0,023
«Гражданская сила»	0,667	0,397	-0,030
«Яблоко»	0,784	0,513	0,012
КПРФ	0,341	-0,536	0,150
«Патриоты России»	0,087	-0,079	0,801
«Справедливая Россия	0,409	-0,274	-0,533
Expl. Var	6,023	2,770	1,089
Prp. Totl	40,16%	18,46%	7,26%

¹ Знак коэффициента корреляции в данном случае значения не имеет.

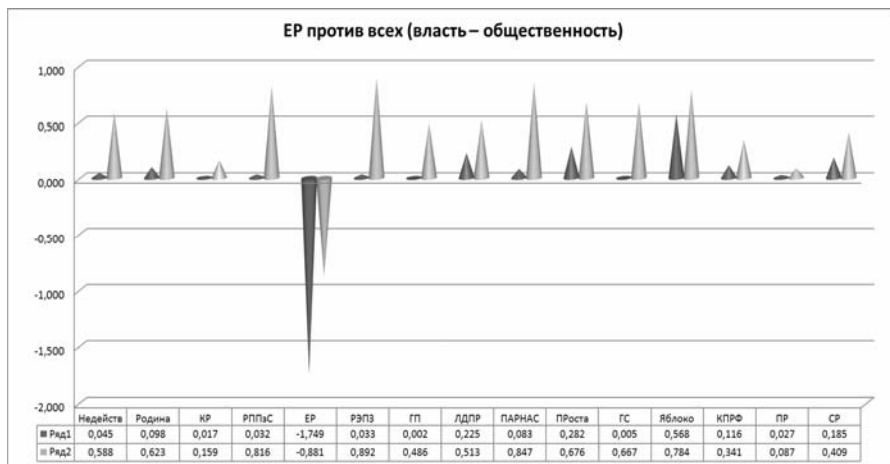


Рис. 4.

Основное электоральное размежевание между партиями – участницами выборов-2016

Примечание: Серым цветом отмечены факторные значения партий, черным – коэффициенты их вклада в размежевание (формулу расчета коэффициента см.: [Коргунюк, 2010]).

Второй фактор – противостояние условных рыночников («Яблоко», Партия роста, ПАРНАС, «Единая Россия», «Гражданская сила») и социал-патерналистов (ЛДПР, «Коммунисты России», КПРФ) (рис. 5). У этого электорального размежевания сильная корреляция с «имперским» (0,634) и социально-экономическими (–0,597). Правда, связь с «имперским» размежеванием объясняется, скорее всего, тем, что по одну сторону оказались «Яблоко» и ПАРНАС, придерживающиеся «антиимпериалистической» позиции. Поскольку поляризация в этом вопросе очень велика (партии или принимают, или осуждают внешнеполитическую линию руководства страны), то корреляция не могла быть низкой. Так что обозначим это электоральное размежевание как «рыночники против социал-патерналистов».



Рис. 5.

Второе электоральное размежевание между партиями – участницами выборов-2016

Третий фактор сводится к противостоянию «Патриотов России» и «Справедливой России» (рис. 6) и объясняется тем, что «Патриоты», в целом по стране набравшие 0,59% голосов, в некоторых территориях получили гораздо больше (максимум – в одномандатных округах Красноярского края, от 4,34 до 8,57%), причем эти прибавки получены в основном за счет «справороссов». У этого фактора не было сильной корреляции ни с одним из политических размежеваний (табл. 7). Если выбросить из анализа партии, получившие на выборах менее 1% голосов (к их числу относятся и «Патриоты»), третий фактор исчезнет автоматически. В принципе его можно считать местной флуктуацией и не учитывать.

Очевидная связь первых двух электоральных факторов с политическими размежеваниями подталкивает к положительному ответу на вопрос: «Достаточно ли в сегодняшней России людей, чей интерес к политике способен влиять на исход выборов по пропорциональной системе?» Однако не станем торопиться. Ситуация, когда на участках, где отсутствуют наблюдатели, резко возрастает явка и число голосов, поданных за «партию власти», автоматически порождает электоральное размежевание, сильно коррелирующееся с авторитарно-демократическим политическим.



Рис. 6.

**Третье электоральное размежевание между партиями –
участницами выборов-2016**

Таблица 7

**Корреляция между политическими и электоральными
размежеваниями на думских выборах-2016**

	1-е политическое размежевание	2-е политическое размежевание	3-е политическое размежевание
1-е электоральное размежевание	0,246	-0,695	0,031
2-е электоральное размежевание	0,634	-0,423	-0,597
3-е электоральное размежевание	-0,098	0,103	0,173

Как понять, имеет ли место реальная поддержка «Единой России», пусть и обеспеченная монополией в информационном пространстве, или банальная приписка голосов? Стопроцентных рецептов, конечно, не существует, но есть способ нащупать черту, отделяющую игру в одни ворота от прямой фальсификации. Для этого необходимо сравнить факторные оценки электоральных размежеваний с социально-демографическими и экономическими показателями соответствующих территориальных единиц.

Такое сравнение было проведено еще в пионерской работе Д. Слайдера, В. Гимпельсона и С. Чугрова, которые использовали с

этой целью корреляционный анализ [Slider, Gimpelson, Chugrov, 1994]. Позже данная методика была применена Т. Зарицким и А. Новаком по отношению к польским выборам [Zarycki, 1999; Zarycki, Nowak, 2000; Zarycki, 2002]. А. Ахременко с той же целью задействовал множественную линейную регрессию [Ахременко, 2007]; главной проблемой при этом оставался методологический запрет на использование в качестве независимых переменных коррелирующихся между собой показателей. Чтобы преодолеть это препятствие, автор данной статьи предложил подвергать факторному анализу сами социально-демографические и экономические показатели и использовать для регрессионных моделей полученные в результате ряды факторных оценок [Коргунюк, 2013; Korgunyuk, 2014]. Построенные регрессионные модели выявили тесную связь между электоральными размежеваниями и факторами социальной стратификации на выборах 2011 г. [Коргунюк, 2013].

Какова ситуация с выборами-2016? Факторный анализ 47 социально-демографических и экономических показателей по 83 субъектам Федерации (Крым и Севастополь исключены из-за нехватки данных) выделил девять факторов социальной стратификации, из которых первые четыре поддаются более-менее осмысленной интерпретации и объясняют примерно 67,5% дисперсии (табл. 8).

Таблица 8

Результаты факторного анализа социально-демографических показателей за 2015 г.

Факторы социальной стратификации	Объясненная дисперсия (Expl. Var)	% Prp. Totl
1. Уровень урбанизации	14,523	30,90%
2. Демографические характеристики	10,067	21,42%
3. Экономическая самостоятельность	4,358	9,27%
4. Социальное благополучие (зависимость от господдержки)	2,759	5,87%
Фактор 5	2,062	4,39%
Фактор 6	1,782	3,79%
Фактор 7	1,433	3,05%
Фактор 8	1,159	2,47%
Фактор 9	1,069	2,27%

Пошаговая множественная линейная регрессия выявила связь первого электорального размежевания («власть – общественность») сразу с тремя факторами социальной стратификации – уровнем ур-

банизации, уровнем экономической самостоятельности и уровнем социального благополучия (табл. 9). Второе размежевание («рыночники – социал-патерналисты») оказалось связанным только с урбанизацией и экономической самостоятельностью (табл. 10). Третий фактор, как и следовало ожидать, никаких предикторов не имел, и его можно смело списывать в «брак».

Таблица 9

Регрессионная модель (пошаговая) связи между первым электоральным размежеванием («власть – общественность») и факторами социальной стратификации

Effect	Parameter Estimates (Spreadsheet1)							
	Sigma-restricted parameterization							
	Comment (B/Z/P)	Factor 1 Param.	Factor 1 Std.Err	Factor 1 t	Factor 1 p	-95,00% Cnf.Lmt	95,00% Cnf.Lmt	Factor 1 Beta (?)
Intercept		-0,155	0,047	-3,268	0,001	-0,248	-0,061	
1. Урбанизация		-0,595	0,056	-10,666	0,000	-0,705	-0,485	-0,644
2. Демогр. хар-ки	Pooled							
3. Эк. самостоятельность		-0,072	0,036	-2,026	0,044	-0,143	-0,002	-0,118
4. Соц. благополучие		0,263	0,043	6,108	0,000	0,178	0,348	0,310

Таблица 10

Регрессионная модель (пошаговая) связи между вторым электоральным размежеванием («рыночники – социал-патерналисты») и факторами социальной стратификации

Effect	Parameter Estimates (Spreadsheet1)							
	Sigma-restricted parameterization							
	Comment (B/Z/P)	Factor 2 Param.	Factor 2 Std.Err	Factor 2 t	Factor 2 p	-95,00% Cnf.Lmt	95,00% Cnf.Lmt	Factor 2 Beta (?)
Intercept		-0,237	0,052	-4,543	0,000	-0,340	-0,134	
1. Урбанизация		0,203	0,060	3,391	0,001	0,085	0,320	0,218
2. Демогр. хар-ки	Pooled							
3. Эк. самостоятельность		0,504	0,040	12,741	0,000	0,426	0,582	0,821
4. Соц. благополучие	Pooled							

Таким образом, первые два электоральных размежевания не только имеют политическую интерпретацию, но и связаны с социальной стратификацией. А значит, есть основания говорить о влиянии массового политического сознания на результаты голосо-

вания, обусловленном социальными факторами. Чем выше в территориальной единице доля городского населения и чем больше там экономически самостоятельных граждан, тем с большей вероятностью они будут голосовать против «партии власти» и за либералов. Это, конечно, трюизм, но в данном случае важна сама модель, позволяющая определить, имеем ли мы дело с реальными выборами или с их имитацией.

Эволюция структуры политических и электоральных размежеваний в постсоветской России

В прежних работах автора уже приводились результаты исследования, касающегося эволюции политических и электоральных размежеваний в 1993–2015 гг. В частности, отмечалось, что в 1993–2011 гг. российское политическое пространство определяли три размежевания: 1) социально-экономическое; 2) системное, указывающее направление развития страны; 3) авторитарно-демократическое. Причем их иерархия была именно такова: первое место принадлежало социально-экономическому размежеванию, второе – системному, третье – авторитарно-демократическому. Исключение составили только выборы 1993 г., когда социально-экономическое и системное размежевания поменялись местами. Автор объяснил это остаточным эффектом периода турбулентности 1990–1993 гг., когда ведущую роль в политической повестке дня играл вопрос «Вы за реформы или против?» [Коргунюк, 2013].

Странам Запада из этой «тройки» свойственно только социально-экономическое размежевание. Авторитарно-демократическое ушло из них после Второй мировой войны; Центральная и Восточная Европа распрощались с ним к началу 2000-х. А вот для многих стран Латинской Америки, в частности для Чили, оно сохраняет актуальность [Torcal, Mainwaring, 2002].

Что касается системного размежевания, то оно, судя по всему, характерно для стран, не завершивших «демократический транзит» и не принявших окончательного решения, догонять ли Запад или настаивать на самобытности своего исторического пути.

Вернемся к эволюции политических размежеваний в России. После 2011 г. ситуация стала быстро меняться. В 2012 г. на первый план вышло авторитарно-демократическое размежевание, отодви-

нув социально-экономическое и системное на второе и третье места. Вероятно, свою роль сыграли протесты 2011–2012 гг. и реакция на них со стороны властей. Эта структура размежеваний сохранилась и в 2013 г.

В 2014 г. произошли еще более кардинальные перемены. Крымско-украинские события выдвинули на авансцену размежевание между «империалистами» и «антиимпериалистами», которое можно с полным основанием считать системным – оно в самой радикальной форме ставит вопрос о дальнейшем пути развития страны (европейский или «самобытный»). Поскольку в этом размежевании практически не было срединных позиций, оно объясняло половину дисперсии. Авторитарно-демократическое и социально-экономическое размежевания отошли на второе и третье места [Коргунюк, 2015].

В 2015 г. главным сюрпризом стало слияние авторитарно-демократического и социально-экономического размежеваний в единое «провластно-антивластное» [Коргунюк, Шпагин, 2016, с. 64–66]. Возможно, причиной послужило сокращение числа партий, чья активность мониторилась: сначала их было 12, потом девять (после исключения «Другой России», РОТ Фронт и объединения «Русские», игнорировавших значительную часть политической повестки), а затем семь (четыре парламентские, «Яблоко», «Патриоты России» и ПАРНАС – после отсеивания Партии прогресса и «Демвыбора», дублировавших позиции ПАРНАСа). Хотя в 2011 г. анализировались материалы такого же числа партий (семь), тогда политических размежеваний было три.

На выборах 2016 г. количество политических размежеваний снова вернулось к трем. Эта цифра сохранилась и при «отбраковке» партий, получивших менее 1% голосов («Гражданская сила», «Гражданская платформа», «Патриоты России», ПАРНАС, «Зеленые»). Лишь после исключения данных на Российскую партию пенсионеров за справедливость, которая фактически не вела агитации, количество факторов с собственным значением больше единицы сократилось до двух: «украинско-внешнеполитическое» (системное) и «властно-оппозиционное» (синтез авторитарно-демократического и социально-экономического). Этот пример демонстрирует возможность манипулирования «размерностью» политического пространства путем исключения неугодных игроков.

Что касается связи между электоральными и политическими размежеваниями, то в 1993–1995 гг. первое электоральное разме-

жевание имело отчетливый социально-экономический профиль: друг другу противостояли рыночные либералы («Яблоко», «Выбор России», ДВР) и социал-патерналисты (КПРФ, АПР). Авторитарно-демократическое размежевание окрашивало в 1993 г. лишь четвертое по очереди электоральное размежевание, а в 1995 не проявилось вообще [Коргунюк, 2013, с. 49–56].

Переломными стали выборы 1999 г., когда ни одно из трех электоральных размежеваний не имело значимой корреляции ни с каким из политических. Главными соперниками на выборах оказались две «партии власти» – «Единство» и «Отечество – Вся Россия», программные различия между которыми не были видны даже под микроскопом. Эти выборы продемонстрировали нестойкость массового политического сознания россиян перед административным ресурсом и персональной харизмой политических лидеров [Коргунюк, 2013, с. 45–49].

Начиная с 2003 г. первое электоральное размежевание стало четко ассоциироваться с авторитарно-демократическим политическим. Сильная корреляция с социально-экономическим и отчасти системным политическими размежеваниями осталась второму электоральному [Коргунюк, 2013, с. 34–45].

Выборы 2016 г. отличаются прежде всего тем, что второе электоральное размежевание (либералы и «Единая Россия» против коммунистов и ЛДПР – рис. 5) больше напоминает социально-экономическое политическое размежевание 2011 г. Это может объясняться в том числе инерционностью массового политического сознания: те люди, чей электоральный выбор обусловлен политическими взглядами, до сих пор держат в голове «старую картинку». Доводом в пользу этого может служить и более низкая корреляция между электоральными и политическими размежеваниями в 2016 г. по сравнению с выборами-2011 (ср. табл. 7 и 11) – действие старой «картинки» уже ослабело, а новая еще не усвоилась.

Таблица 11

Корреляция между политическими и электоральными размежеваниями на думских выборах-2011

	1-е политическое размежевание	2-е политическое размежевание	3-е политическое размежевание
1-е электоральное размежевание	0,469	0,393	0,886
2-е электоральное размежевание	0,853	-0,764	0,071

В плане социальной обусловленности электоральных размежеваний наиболее сильно влияет уровень урбанизации. Он играет ведущую роль и для «властно-общественного», и для «либерально-патерналистского» размежеваний. С ним могут сравниться только демографические характеристики, которые в 2003 г. оказали главное воздействие на формирование властно-общественного размежевания [Коргунюк, 2013]. Демографический фактор давал о себе знать и в дальнейшем – он не проявил себя только в 2016 г. Возможно, этот факт свидетельствует о каких-то сдвигах в «географии» массового политического сознания.

«Географическая карта» массового политического сознания постсоветской России

Взгляд на выборы по пропорциональной системе как на массовый опрос общественного мнения продуктивен для России в целом, но не для всех ее территориальных единиц. Проведенный ранее анализ [Коргунюк, 2014] показал, что по итогам выборов 2011 г. регионы РФ делились на пять групп – по степени административного вмешательства в электоральный процесс.

Наименее конкурентную группу составили Дагестан, Ингушетия, Чечня, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия и Северная Осетия – в этих шести республиках реальная электоральная жизнь фактически полностью подменена бумажным «творчеством» избирательных комиссий.

Далее идет кластер из четырех субъектов РФ (Мордовия, Марий Эл, Татарстан и Тюменская область), где, несмотря на полное доминирование административного ресурса, в городах еще остались очаги сопротивления, породившие значительную дисперсию в голосовании за «Единую Россию».

Третий («малоконкурентный») кластер образовали 19 регионов, в которых влияние административного ресурса было слабее, что оставляло место для второго электорального размежевания.

Четвертый, наиболее усредненный по характеристикам кластер, составили 32 региона, в которых голосование в большей степени, чем в предыдущем, зависело от выбора избирателя и обусловливалось социальными характеристиками, – к этому кластеру принадлежала, в частности, Москва.

Наконец, в пятый, самый конкурентный, кластер вошли 20 регионов, включая Санкт-Петербург.

В целом в 81 из 82 регионов (Ненецкий АО был объединен с Архангельской областью) первое электоральное размежевание имело значимую ($>0,5$) корреляцию с авторитарно-демократическим политическим, в том числе в 71 – сильную ($>0,7$). Исключение составила только Кабардино-Балкария, где резкие перепады голосования за КПРФ сделали ведущим электоральным фактором именно ее противостояние всем остальным партиям. Не надо, однако, забывать, что данная республика относится к северокавказскому кластеру, в котором электоральные размежевания не связаны с социальной стратификацией, а следовательно, под сомнение можно поставить сам факт проведения в них выборов (голосование за КПРФ, видимо, было настоящим, а вот за «Единую Россию» – вряд ли).

Кроме КБР в число регионов, где первое, «властно-общественное», электоральное размежевание не было связано с факторами социальной стратификации (а значит, имели место «ковровые» приписки в пользу «Единой России»), вошли еще шесть – Дагестан, Ингушетия, Карачаево-Черкесия, Северная Осетия, Республика Коми, Краснодарский край и, как ни странно, Москва (именно это обстоятельство и послужило спусковым крючком для «белоленточных» протестов).

В остальных регионах данное электоральное размежевание было социально обусловленным, в том числе в 62 – уровне урбанизации (в 41 из них – в компании с другими факторами социальной стратификации). Таким образом, можно констатировать, что «властно-общественное» электоральное размежевание представлено не только на федеральном, но и на региональном уровне. Правда, насколько эта представленность обусловлена административным ресурсом, а насколько – искренней поддержкой власти, оценить трудно. Но то, что роль административного ресурса велика, сомневаться не приходится. Ведь в политическом пространстве авторитарно-демократическое размежевание занимает в лучшем случае второе-третье места, тогда как связанное с ним «властно-общественное» электоральное прочно удерживает первые позиции начиная с 2003 г.

Иначе обстоит дело с социально-экономическим политическим размежеванием. Только в 30 регионах оно имело значительную корреляцию со вторым электоральным (причем лишь в

15 соответствующий коэффициент превышал 0,7 по модулю) и еще в шести – с третьим. В 24 случаях эти размежевания были связаны с социальной стратификацией (в 15 – с уровнем урбанизации). Это, впрочем, мало о чем говорит, поскольку предположение об использовании административного ресурса с целью подбросить голосов коммунистам или либералам звучит нелепо. Таким образом, социально-экономическое размежевание присутствует в массовом политическом сознании главным образом на общенациональном уровне, гораздо слабее проявляясь на региональном.

Что касается системного размежевания, то оно в 2011 г. дало знать о себе в 17 регионах на уровне второго электорального размежевания (в семи с коэффициентом $>0,7$) и в двух – на уровне третьего; в 13 случаях оно имело также связи с факторами социальной стратификации. Однако на выборах 2011 г. системное размежевание носило совершенно невнятный характер (в нем фактически отсутствовал «реакционный» полюс), невооруженным глазом не обнаруживалось и прощупывалось только факторным анализом. Поэтому говорить о степени его воздействия на массовое политическое сознание затруднительно.

Заключение

Взгляд на выборы по пропорциональной системе как на массовый опрос общественного мнения предполагает, что партии, вступая в публичные столкновения друг с другом, ставят целью максимально привлечь внимание избирателей. Если им это удастся, образуемые ими политические размежевания отражаются на результатах выборов, т.е. на электоральных размежеваниях. Структуру и политических, и электоральных размежеваний можно выявить с помощью факторного анализа. В первом случае материалом служат оценки, присвоенные позициям партий по вопросам, вызывающим наиболее оживленную общественную дискуссию; во втором – число голосов, полученных партиями в различных территориальных единицах.

Факторный анализ позиций партий выявил существование в политическом пространстве постсоветской России трех размежеваний: социально-экономического, авторитарно-демократического и системного. Их иерархия менялась с ходом времени. В 1993 г. первое

место принадлежало системному, второе – социально-экономическому, третье – авторитарно-демократическому. В 1995–2011 гг. социально-экономическое размежевание вышло на первый план, оттеснив системное на второй. В промежутке между думскими выборами 2011 и 2016 гг. политическому пространству была присуща наибольшая волатильность: в 2012–2013 гг. первое место занимало авторитарно-демократическое размежевание, второе – социально-экономическое, третье – системное. Крымско-украинские события выдвинули в 2014 г. на первый план системное («украинское», «имперское») размежевание, отодвинув социально-экономическое и авторитарно-демократическое на второе и третье места. В 2015 – первой половине 2016 г. социально-экономическое и авторитарно-демократическое размежевания слились в единое «властно-антивластное» противостояние. Наконец, на думских выборах 2016 г. системное размежевание сохранило ведущие позиции, а социально-экономическое и авторитарно-демократическое вновь разделились, поменявшись заодно местами.

Во многом повышенная волатильность политического пространства обуславливалась сознательными действиями власти. Манипулируя составом участников выборов по партийной системе, они меняли число измерений политического пространства и их иерархию.

Как показали исследования, зафиксированные политические размежевания оказывают ощутимое влияние на итоги голосования. На всех думских выборах (кроме 1999 г.) корреляционная связь между ними и электоральными размежеваниями была достаточно сильна. Данное влияние имело ряд ограничителей, среди которых были социетальные факторы и административный ресурс. Социетальные факторы, впрочем, не только ограничивали политические размежевания, но и создавали для них социальную базу. Так, уровень урбанизации лежал в основе как «властно-общественного», так и социально-экономического размежеваний.

Административный же ресурс лишь искажал воздействие политических размежеваний на выбор избирателей. Он – главный виновник того, что авторитарно-демократическое размежевание, ютившееся на периферии политического пространства, начиная с 2003 г. стабильно окрашивает собой ведущее размежевание в пространстве электоральном.

Сочетание этих обстоятельств сделало «властно-общественное» размежевание главной характеристикой массового политического сознания россиян. На выборах граждане делятся прежде всего на тех, кто поддается административному давлению, и тех, кто ему сопротивляется. Это размежевание проявляется как на федеральном, так и на региональном уровне, находя опору в факторах социальной стратификации, прежде всего степени урбанизации.

Социально-экономическое размежевание проявляет себя в основном на федеральном уровне, где черпает силу главным образом в степени урбанизации. На региональном уровне оно выражено значительно слабее.

Системное размежевание, безусловно доминирующее сегодня в политическом пространстве, на результатах выборов если и сказывается, то весьма опосредованно, в значительной степени сливаясь с социально-экономическим. В электоральном поле массовое политическое сознание россиян, похоже, пока движется по инерции, руководствуясь шаблонами «докрымской» эпохи. Произойдет ли в нем перелом, покажет время.

Список литературы

- Анохина Н.В., Мелешкина Е.Ю.* Эволюция структуры партийного спектра России накануне парламентских выборов 2007 г. // *Полис. Политические исследования.* – М., 2008. – № 2. – С. 17–29.
- Ахременко А.С.* Структура электорального пространства. – М.: Социально-политическая мысль, 2007. – 320 с.
- Коргунюк Ю.Г.* Концепция размежеваний и факторный анализ // *Полития.* – М., 2013. – № 3. – С. 31–51.
- Коргунюк Ю.Г.* Модель размежеваний и российские выборы: Постановка исследовательской задачи // *Мировой кризис и политические изменения. Политическая наука: Ежегодник 2009 / Российская ассоциация политической науки:* [гл. ред. А.И. Соловьёв]. – М.: РОССПЭН, 2010. – С. 334–372.
- Коргунюк Ю.Г.* Партийная реформа 2012–2014 гг. и структура электоральных размежеваний в регионах России // *Политические исследования.* – М., 2015. – № 4. – С. 97–113.
- Коргунюк Ю.Г.* Региональная карта электоральных размежеваний по итогам думских выборов 2011 года // *Полития.* – М., 2014. – № 3 (74). – С. 75–91.
- Коргунюк Ю.Г., Шпагин С.А.* Выборы в региональные собрания 13 сентября 2015 года и изменения в партийно-политическом пространстве России // *Полития.* – М., 2016. – № 2(82). – С. 55–76.

- Лоусон К. Размежевания, партии и избиратели // Политическая наука / РАН. ИНИОН. – М., 2004. – № 4. – С. 50–55.
- Попова Е.В. Проблемные измерения электоральной политики в России: Губернаторские выборы в сравнительной перспективе // Полис. Политические исследования. – М., 2001. – С. 47–62.
- Попова Е.В. Проблемное пространство предвыборного соревнования на федеральных выборах 1995–2004 гг. // Политическая наука: Избирательный процесс в России и Франции. – М., 2005. – № 2. – С. 35–52.
- Толтыгина О.А. Идеологическое структурирование партийного спектра в современной России: Дис. ... канд. полит. наук. – М., 2012. – 250 с. – Режим доступа: http://www.psu.ru/psu2/files/6327/tolpygina_22_05_12.doc (Дата посещения: 29.10.2016.)
- Рёммеле А. Структура размежеваний и партийные системы в Восточной и Центральной Европе // Политическая наука / РАН. ИНИОН. – М., 2004. – № 4. – С. 30–50.
- Bartolini S., Mair P. Identity, competition, and electoral availability. The stabilisation of European electorates, 1885–1985. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1990. – 363 p.
- Budge I. Issue dimensions and agenda change in postwar democracies: Long-term trends in party election programmes and newspaper reports in twenty-free democracies // Agenda formation / W.N. Riker (ed.). – Ann Arbor, MI: Univ. of Michigan press, 1993. – P. 153–162.
- Budge J., Robertson D., Hearl D. Ideology, strategy and party change: Spatial analyses of Post-war election programs in 19 democracies. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1987. – 494 p.
- Chugrov S. Regional electoral behaviour and Russian nationalism. The office of information and press, democratic institutions fellowship programme, NATO. Final Report. – 1997. – June.–58 p. – Mode of access: <http://www.nato.int/acad/fellow/95-97/chugrov.pdf> (Дата посещения: 27.10.2016.)
- Deegan-Krause K. New dimensions of political cleavage // The Oxford handbook of political behavior / R. Dalton, H.-D. Klingemann (eds). – Oxford: Oxford univ. press, 2007. – Mode of access: http://ecpr2007cleavages.pbworks.com/f/Deegan-Krause_New%2520Dimensions%2520of%2520Political%2520Cleavage.pdf (Дата посещения: 28.10.2016.)
- Korgunyu Yu. Cleavage theory and elections in post-Soviet Russia // Perspectives on European politics and society. – Leiden, 2014. – Vol. 15, N 4. – P. 401–415.
- Lipset S.M., Rokkan S. Cleavage structures, party systems, and voter alignments: An introduction // Party systems and voter alignments: Cross-national perspectives. – N.Y.; L.: The Free Press: Collier-MacMillan ltd., 1967. – P. 1–64.
- Oates S. Party platforms: Towards definition of the Russian politic spectrum // Party politics in Post-communist Russia / Ed. by Lowenhardt J. – L.: Frank cass, 1998. – P. 76–97.
- Post-communist party systems, competition, representation, and inter-party cooperation / Kitschelt H.P., Mansfeldova Z., Markowski R., Tóka G. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1999. – 458 p.

- Slider D., Gimpelson V.E., Chugrov S.* Political tendencies in Russia regions – Evidence from the 1993 parliamentary elections // *Slavic review*. – Seattle, Wash., 1994. – Vol. 53, N 3. – P. 711–732.
- Stoll H.* Social cleavages, political institutions and party systems: Putting preferences back into the fundamental equation of politics: A dissertation submitted to the department of political science and the committee on graduate studies in partial fulfilment of the requirements for the degree of doctor of philosophy. – Santa Barbara: Univ. of California, 2004. – Mode of access: <http://www.polsci.ucsb.edu/faculty/hstoll/research/thesis.pdf> (Дата посещения: 29.10.2016.)
- Tóka G.* Party appeals and voter loyalty in new democracies // *Political studies*. – Sheffield, 1998. – N 46. – P. 589–610.
- Whitefield S.* Political cleavages and post-communist politics // *Annual review of political Science*. – Palo Alto, California, 2002. – N 5. – P. 181–200. – Mode of access: http://plato.acadiau.ca/COURSES/pols/grieve/3593/reading/whitefield_postcomm_cleavages.pdf (Дата посещения: 28.10.2016.)
- Torcal M., Mainwaring S.* The political recrafting of social bases of party competition: Chile, 1973–95 // *British journal of political science*. – L., 2002. – N 33. – P. 55–84.
- Zarycki T.* The new electoral geography of Central Europe // Research support scheme electronic library, open society institute. – Budapest, 1999. – Mode of access: <http://rss.archives.ceu.hu/archive/00001080/01/80.pdf> (Дата посещения: 27.10.2016.)
- Zarycki T., Nowak A.* Hidden dimensions: The stability and structure of regional political cleavages in Poland // *Communist and post-communist studies*. – Oxford, 2000. – Vol. 33, N 2. – P. 331–354.
- Zarycki T.* Four dimensions of center-periphery conflict in the Polish electoral geography // *Social change. Adaptation and resistance*. – Warsaw: Warsaw univ. – Institute for social studies, 2002. – P. 19–38.